

Рудольф Блауманис

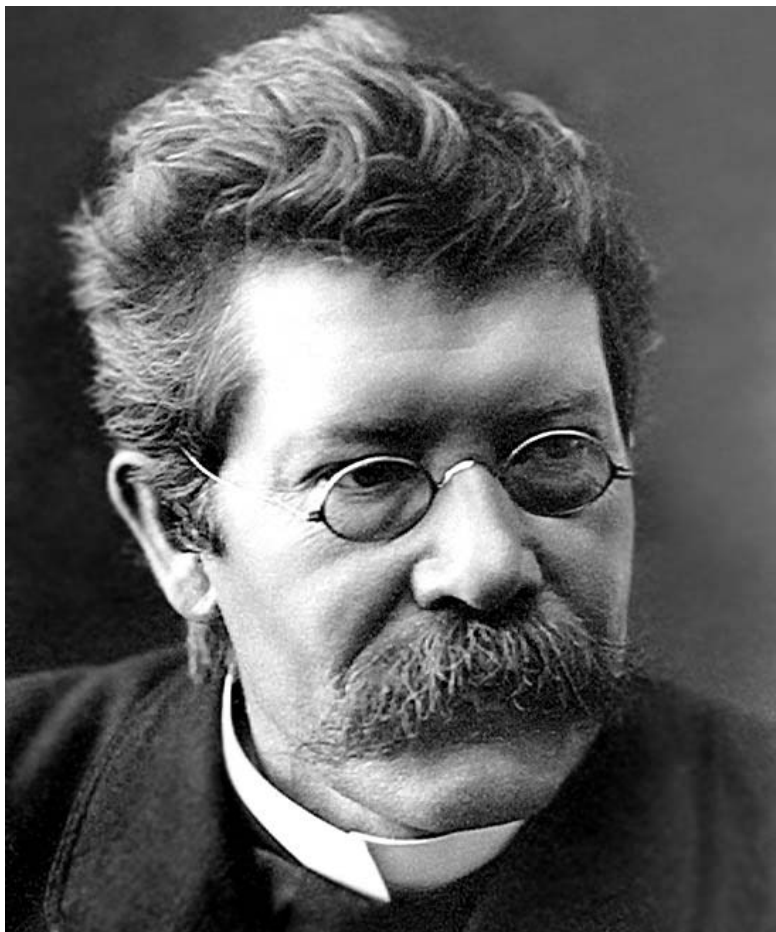
Чертенята

Рассказ

Перевод МАТИНЬША ГАСЬЮНСА

[159]

ИЛ 3/2019

О ДНАЖДЫ два брата-чертенка, проводившие свои дни в проказах на огненной поляне возле врат ада, заметили, что сторож врат задремал. А они давно мечтали выглянуть одним глазком наружу — и тут эта давняя мечта о себе и напомнила. Так им хотелось посмотреть, каков тот неведомый

© МАТИНЬША ГАСЬЮНС. Перевод, 2019

Перевод публикуется с любезного разрешения Союза писателей Латвии (Latvijas Rakstnieku savienība)

мир, который вдруг оказался ближе, чем когда-либо ранее, и про который мамаша им столько всего рассказывала. Они подбежали к воротам, но не смогли дотянуться до ключей, торчавших из замка. Мигом один взобрался на плечи другому, и этакой пирамидой они умудрились повернуть ключ. Поднатужившись, чертенята чуток раздвинули створку ворот и протиснулись наружу! Ворота, захлопываясь, крикнули, сторож проснулся, но, ничего особого не приметив, подумал, что все это ему приснилось.

А чертенята устремились прямо вперед по длиннющей, мрачной пещере, которая соединяет мир людей с преисподней. Они бежали, бежали пока ноги несли, и не могли остановиться, даже очутившись, наконец, на белом свете. Солнце ослепило их привыкшие к мраку глазки, и чертенята шлепнулись, запыхавшись, на тенистый склон. Немножко полежали, переводя дух, но, как только привыкли к дневному свету, начали глазеть по сторонам и удивляться, до чего разноцветен, красочен мир. Ух ты, как все тут по-другому, каким кажется все пригожим да светлым! Ведь дома, в аду, вместо неба возвышался закопченный свод, под ним висел огромный, мерзкий змей и плевался огнем, и лишь это пламя жуткими всполохами освещало дальние закоулки преисподней. Смотреть на змея было невозможно, до того гнусно он блестел, а на воле небеса так и притягивали к себе взгляд — ласковые, голубые. Вместо синевато-красного пламени под копытцами стелилась зеленая, податливая трава, на лугу пестрели цветы. Они колыхались на ветру и как будто шептали прохожему: — Сорви нас, побудь с нами!

Чертенятам адский огонь давно надоел, поэтому они гуляли по лугу, рвали цветы и кидались лепестками, гонялись за бабочками и отрывали им крылышки: они ведь были проказниками и не знали, что так поступать нельзя. И потому, услышав пение пташек, малыши отправились ловить певцов прямо в лесную чащу.

Там они встретили быстроногих белок, прыгавших по деревьям. Чертенятам понравилась игра, и они попросились белкам в товарищи. Белки согласились. Все вместе стали они прыгать с кроны на крону, с ветки на ветку. И прыгали до самого заката солнца, пока белки не легли спать, закусив орехами. Забравшись под густую ель, чертенята тоже решили отдохнуть, но уснуть так и не смогли. Они привыкли к адской жаре и в лесу начали мерзнуть. Когда же начал накрапывать мелкий дождик, сил терпеть холод совсем не осталось, и братья попытались одолжить у белок какой-нибудь тулупчик. Белки ответили, что они спят каждая в своей шубке и выручить чертенят не могут.

Из лесу пришлось убежать, и наши герои помчались куда глаза глядят, пока не наткнулись на крестьянский дом. В доме

все давно легли спать, и чертенята решили, что можно без приключений выбрать теплое местечко для ночлега.

— Нет на свете этого места горячее печки в риге, — вспомнили они рассказы мамыши и отправились во двор. Дурачки не знали, что крестьяне топят печки в ригах лишь осенью да зимней порой.

Забравшись в глубокую печную яму, они обнаружили, что печка не только холодная как лед, но и забита горшками. В доме не было погреба, поэтому хозяин, чтобы масло не растаяло, хранил готовый товар в яме.

Чертенята расстроились — где согреться?

— Папаша говорил, — сказал первый братец, — что этот хозяин шибко ученый. Но какого черта он смастерил печку, которую не топят и напихал в нее масла? Вот у нас ни одна печь не стоит без дела. И вовсе не масло в ней топится...

Действительно, про этого мужика черт рассказывал в аду как-то, что он большой умник и очень набожный, и никакими соблазнами к его душе не подобраться. Чертенята хорошо запомнили разговоры старших.

— Устроим ему пакость какую-нибудь, — предложил другой чертенок. — Может нам удастся то, на чем сам папаша рога себе пообломал. Братан, поблизости от риги я видел канаву с мостиком. Снесем мостик и натаскаем вместо него... это масло. Ночь так холодна, а работа согреет и... утром над мужиком похихикаем.

— Дело говоришь, — ответил второй брат, и они разобрали мостик, будто его никогда и не было. Вытащили из риги горшки с маслом, и вывалили содержимое в канаву. Когда работа была сделана, радостные чертенята стали беситься, прыгать и случайно наткнулись на бочку дегтя.

— Э-ге-ге! Слушай-ка, а может нам налить в горшки смолы и засунуть их обратно в печку? — предложил старший братец младшему, — мужику вовсе беда, а нам удовольствия — вдвое больше.

И они разлили деготь по горшкам и разместили их в печке риги.

Проказникам эта шутка так понравилась, что они решили учинить еще какую-нибудь пакость — наловили летучих мышей, собрали за ригой в траве светлячков и привязали их паутиной к ушам летучих мышей. Летучих мышей чертенята выпустили в амбаре, и те начали тыкаться во все стороны, словно птицы с огненными глазами.

Однако и этого им показалось мало. — Чего-нибудь еще надо учудить с хозяином, отнесем мужика в хлев и уложим его в бычьем загоне.

Чертенята зашли в хлев, отвязали быка, вывели наружу и привязали к изгороди. После, украдкой, они залезли в избу, легко подняли с постели хозяина, который после работы спал как убитый, отнесли его в хлев и положили на подстилку у кормушки быка. Быка же ввели в комнату и уложили в постель хозяина — на мягком, подогретом соломенном матрасе быку понравилось.

Все было готово! От таскания ведер и быка братья разгорячились, им стало жарко, несмотря на прохладу, и захотелось поплавать в пруду, который блестел под луной недалеко от колодца. Вместо шлюпки они прихватили в избе квашню для хлеба и потащили ее к пруду. Добравшись с квашней до середины двора, они вдруг увидели двоих здоровенных мужиков, входящих в калитку. Бросив квашню, чертенята шмыгнули в малинник и стали наблюдать из засады, что предпримут незнакомцы. А это были грабители, решившие прирезать, да и обобрать зажиточного крестьянина. Они подкрались к окнам, вынули рамы и залезли в избу. Один из злодеев тихонько подошел к постели, прислушался к дыханию спящего и со всего размаха ударил кривым острым ножом, целясь прямо в сердце. Но нож попал по рогу быка, и соскользнул по нему вниз, лишь чуть поранив лоб животного.

Отчаянно взревев, бык вскочил, выбрался из хозяйской постели и начал, яростно мотая головой, шарахаться по комнате, преследуя грабителей. Насмерть перепуганные злоумышленники вывалились, пихаясь и толкаясь, из окна, и кубарем скатились в малинник.

— Этот хозяин страшен и силен как бык, — дрожа, шептались бродяги. Чертенята обеими лапками зажали рты, чтобы приглушить разбиравший их смех.

Бык еще некоторое время покрушил утварь, устал, и, сопя, повалился возле печки на бок. Хозяйка, спавшая за стеной, проснулась от дикого грохота, но не смела и пикнуть. Ей показалось, что это сам нечистый залез в дом: она замотала голову одеялом и дрожа крупной дрожью, молилась.

Когда шумная возня в доме наконец стихла, оба вора вылезли из ягодника и решили прокрасться в хлев. Потерпев неудачу, воры решили украсть быка, приговаривая, что двум быкам в одном дворе все равно не ужиться. Но стоило им приоткрыть дверь хлева, как проснулся хозяин. Он вскочил, не понимая где он, и шарил в темноте руками: — Кто там? Где я?

Услышав из темноты вопли, злодеи решили, что бык заговорил человеческим голосом, захлопнули дверь и бросились в ужасе в ригу, чтобы спрятаться в печной яме. Но, как и чертенята, свалились на горшки.

— Это масло, — сказал один из них. — До него колдун небось не добрался, наше счастье, что забежали в ригу — сможем наконец наесться масла от пуза.

Они немного подождали, и вокруг вроде все стихло. Грабители вылезли из ямы, обнаружили во дворе квашню и подтащили ее к риге — чтобы сложить туда ворованное масло. Первый вор спустился в яму и принялся таскать горшки наверх, складывая их вокруг края ямы, а второй открыл один из горшков, чтобы переложить масло в квашню. Хотел было взять ком масла, но завяз по локти в дегте.

— Вот черт! — воскликнул он, вытащил кое-как руки и в сердцах пнул ногой горшок. — Что опять за дерьмо? Горшок плюхнулся обратно в яму, да прямо на голову другому злодею, который с воплем выскочил наружу, весь в дегте, как деревянная ведьма.

— В горшках деготь! — завопил первый вор, обнаруживший ту же липкую жижу в других горшках. — Чтоб того лешего, что все это учудил, в этом дегте в аду сожгли!

Проклиная все на свете, бросились злодеи из риги вон, искать, как смыть жижу. Тот, на чью голову опрокинулся горшок, изгваздался так, что платью пришлось снять и нести в руках — выбросить жалко было.

— Я этому гаду этого так не оставлю, — злобно клялся вор, — и даже ежели всю ночь напролет придется здесь просидеть, не уйду, пока чего-нибудь не сопру. У второго бродили в голове не менее мстительные мысли, и они решили увести хозяйского коня. Но конюшня оказалась пустой — конюх с вечера отправился в ночное.

— Не везет нам нынче, — сокрушаясь, воры двинулись в амбар, надеясь, что хоть там им что-то обломится. Не тут-то было — стоило им приоткрыть двери амбара, как навстречу бросились летучие мыши, царапая злодеям уши жесткими крыльями. — Свят, свят! И в амбаре нечистая сила — злоумышленники ошалели при виде яростно горящих глаз, — спасайся кто может! И, закрыв руками уши, рванули сломя голову наружу.

Тем временем хозяин пришел немного в себя и осторожно выглянул из хлева. Увидев стремительно удаляющуюся парочку, он схватил палку и пустился в погоню. Окончательно растерявшись, грабители, уже совсем ничего не соображая, кинулись обратно в сторону риги, хотели пробежать по мостику и застряли. Желтое масло, которое они приняли было за дощатый настил, оказалось мягким, и они увязли в нем по ляжки. Но то ли Бог услышал их мольбы, то ли хозяин протянул свою палку в помощь, только несчастным удалось выбраться из канавы на другую сторону и пуститься наутек, да-

же не поблагодарив хозяина. Крестьянин, хохоча, помахал им палкой вслед.

— Так это вы — те ухари, что перетащили меня в хлев, — проговорил он. — Что ж, в следующий раз подобные шуточки больше не взбредут вам в голову. Уж я бы вам за это наподдал бы... Ба, а что это они тут побросали? Вишь, вся одежда в дегте. Неповадно будет возле бочки с дегтем шляться!

Приподняв платье с земли кончиком палки, крестьянин хотел отбросить его прочь, но тут в кармане что-то звякнуло.

— Эка, денежки там что ли зазвенели, — мужик нагнулся и достал из кармана тяжелый кошелек. — Гляди-ка, какой вор пошел порядочный, еще и платит за свои безобразия.

Хозяин открыл кошель, и оказалось, что в нем полно золотых монет. Обрадовавшись, он засунул кошель за пояс и поспешил в избу, к жене, рассказать об удаче.

Жена его так перепугалась, что, заслышав голос мужа, принялась дрожать и рыдать и смогла остановиться только тогда, когда в печи был разведен огонь, бык вернулся в хлев, а все углы избы — добросовестно осмотрены. Успокоившись, она прислушалась к словам мужа, что в избу проникли не злодеи, не привидения, а всего лишь шутники, которые, устроив пару каверз, щедро заплатили за содеянное и ушли. Крестьянин показал жене деньги, вставил обратно окна, супруги улеглись спать и спали до утра.

Встав спозаранку, хозяин, похохатывая, занялся уборкой испорченного масла, а хозяйка напевала, отмывая от дегтя горшки. Однако чертенятам, которым ночные приключения ворюг доставили превеликое удовольствие, утреннее хозяйское веселье показалось пренеприятным. Они хотели напакостить крестьянину, а вместо этого спасли его от смерти и подарили денег. Вышел непорядок, надо было срочно что-то придумать. Чертенята просто обязаны были совершить какую-нибудь пакость, чтобы хозяин встретился-таки наконец с чертом. Весь день они валялись, нежась на солнышке в стогу сена и размышляя. Сидели, сидели и высидели...

— Я наведу порчу на хозяйскую лошадь, дабы та сбрасывала всякого, кто на нее заберется, — сказал первый. — Слышал я, что подошла очередь хозяина ехать в ночное — ежели так, он сегодня же свернет себе шею.

— А я, а я заколдую колодец, — подхватил второй. — Всякий, кто подойдет к нему за водой, провалится и потонет в нем. — Как задумали, так и сделали: заколдовали коня и колодец заговорили, а сами попрятались.

Однако хозяин от радости, что разбогател, решил не ездить более в ночное, а велел насыпать лошадям в кормушку побольше вкусного овса. Воды днем из колодца натаскали столько, что-

бы хватило до утра. Покусывая коготки от нетерпения, чертенята следили из укрытия, как хозяева и батраки все до единого легли спать. Ну и будь по-ихнему, решили чертенята, они и сами устали и были уже не прочь поспать ночью возле теплой печки. Но тут они заметили мужчину, который входил во двор. Они тут же узнали его: это был один из вчерашних грабителей.

— Видать хлопец вернулся за хозяином. Теперь-то он его точно зарежет, — потирая лапки, переговаривались между собой чертенята.

Но громила не пошел в сторону избы, а пролез в конюшню, так как вознамерился во что бы то ни стало увести хозяйскую лошадь. Его приятель стоял около калитки неподалеку от колодца. Он караулил другую лошадь, которую они уже успели украсть у соседа.

Тем временем злодей вывел коня из конюшни и попытался вскочить ему на спину, но так неудачно, что лошадь начала брыкаться, вставать на дыбы и метаться по двору. И так и сяк старался злодей ее укротить, задабривал всячески — все напрасно. Лошадь не успокоилась, пока не скинула седока. Падая, конокрад свернул себе шею, да так, что голова чуть не оторвалась.

Второй злодей все ждал, ждал за калиткой, но умаялся стоять и сел, прислонившись к колодезному журавлю. Лошадь, почуяв воду, стала принюхиваться и тянуть шею. — Пить хочешь? — спросил вор. — погоди, сейчас зачерпну тебе. Он взял крюк на краю сруба и опустил ведро вниз. Но вытягивая полное ведро, поскользнулся, упал головой вниз и утонул в колодце. Так злодеи нашли свой конец.

— Что за дурачье! — бранились чертенята. — Хозяина прирезать не сумели, сами в лапы смерти угодили!.. Ну, что ж, папаша будет рад... — И забрались они в кухонную печку и грелись в едва теплой золе до тех пор, пока не пришла хозяйка и не разожгла огонь прямо у них перед носом. Вместе с клубами дыма чертенята выскочили через дымовую трубу и уселись на кровле, за выступом на краю крыши, чтобы оттуда подсмотреть, что хозяин станет делать.

Увидев мертвеца да коня, разгуливающего на воле по двору, хозяин сразу смекнул, что за гость к нему пожаловал. Осторожно ухватил поводья и хотел отвести животное обратно в конюшню. Но лошадь стала фыркать и плевать, брыкалась, пятилась — одним словом, вела себя, как всякая заколдованная скотина.

— Ага, — сказал хозяин. — Я догадываюсь, в чем тут дело. Этот поганец заколдовал тебя. Он дотянулся до полочки над входом в конюшню, схватил воткнутую там ветку рябины, сохранившуюся с Троицына дня, и трижды прошелся ею по

спине животного. Вмиг конь успокоился, и хозяин смог завести его в конюшню. Заклинание потеряло свою силу.

— Ну, дружок, и твоя очередь подоспела, — обратился хозяин к мертвецу. Ввалил покойника на спину и понес за ворота, выискивая место под забором, куда его зарыть. Тут у колодца он увидел чужого коня и, подойдя ближе, обнаружил торчащие из воды ноги.

— Знать вас было двое, — догадался хозяин. — Чай, кумовство было у вас, шутников бесстыжих! Пусть тогда вас и водой уже не разольют! И он спустил обоих налетчиков в воду. Позвал работника, и вместе засыпали они тот колодец. Чужого коня же хозяин повел, посмеиваясь, в свою конюшню.

Когда чертенята все это увидели, оба от гнева кувырком скатились с края крыши. Предвкушая горести крестьянина, они уже заранее хватались за животики, но, кто бы мог подумать — все опять вышло как нельзя лучше для него! Неужели ничем его не возьмешь? Ну погоди, хозяин, чертенята еще покажут тебе! Они подобрали паклю, заткнули ею поплотнее уши, чтобы песни жаворонков и ласточек их не отвлекали, заползли в стог сена, каждый по свою сторону, и долго думали, уткнувшись в солому, что делать. Только поздно вечером они вылезли из стога.

Думали-думали и наконец придумали.

Сразу же за домом начинался хозяйский луг, который тянулся далеко за край села. Чертенята краем уха слышали, что хозяин говорил про луг: “Будет с этого луга хорошее сено”. Черти решили, что трава становится сеном, как вырастет, и решили ее всю срезать, лишив хозяина надежды на добрый корм скоту.

Они нашли две старые метлы, которые тут же превратили в весьма удобное для косьбы приспособление, встали один в одном, другой в другом конце луга и начали косить тучную, сочную траву. Работа была тяжелая, но продвигалась споро, и не успела заря зарумянить восток, как луг был гладко покосен, а трава лежала ровными рядами — такое не под силу было бы и самым проворным косарям. А усталые, измученные чертенята потащились к дому.

Когда хозяин встал и увидел, что луг покосен, он ударил в ладоши. — Жёнка, — позвал он, — иди посмотри, что тут опять творится! Наш луг покосен! Хвала Господу милостивому, что над нами! Пришлось бы нам там недели две без передышки каждое утро потеть. Теперь все так ладно, будто бы серпом срезано. Услышав слова хозяина, чертенята от злобы стали белее каленого железа.

— Оставим его в покое, хватит! — сказал один. — Он так сделается чересчур удачлив и не в меру счастлив.

— Ни за что, — молвил другой. — Попробуем еще разок. Глянь, там хозяин гонит большую отару овец на пастбище. Превратимся в барашков и заманим остальных в болотце, чтобы потонули.

— Пусть будет по-твоему, — сказал первый чертенок. Оба вылезли из укрытия и, обратившись в ягнят, примкнули к той отаре.

— Надо же, чудеса, — удивился хозяин, завидев чертенят. — Прошлой ночью прибились два барашка. Давно мечтал иметь черненьких овечек. Вот боженька и смилостивился надо мной. Везет же мне.

Слова эти страшно всполошили чертенят. А из-за того, что случилось тотчас после этого, они охотно повыпрыгивали бы из своих овчин вон — если б могли.

Да будет вам известно — по той дороге, на краю которой располагалось пастбище, как раз проезжала блестящая карета, а в ней — прекрасная принцесса. Когда карета подъехала к стаду, принцесса велела остановить коней и приветствовала хозяина, любезно кивнув ему головой.

— Вижу я, там у тебя парочка черных барашков завелась, — сказала принцесса. — Такие изящные, так весело попрыгивают, что я хочу взять их себе. Не продашь ли их мне?

— Рад послужить, милостивая государыня, — ответил хозяин, держа в руке шапку.

— Сколько за них просишь?

А наш хозяин был отнюдь не дурак: он знал, что коли августейшим особам что-то понравилось, то те не станут жалеть денег.

— Двести червонцев, милостивая государыня.

— Двести? — повторила принцесса. — Не многовато ли будет? Почему так дорого?

— Милостивая государыня, да будет вам известно, что эти ягнята не простые, а необычные. Ибо по своей воле присоединились к моему стаду, — пояснил хозяин.

Ах вот как, — воскликнула принцесса, — это совсем другое дело. Вытащила шелковый кошелечек и отсчитала ровно две сотни.

Но поймать барашков оказалось куда труднее, чем казалось вначале. Чертенята, все слышавшие, ни за что не хотели сдаваться. Они забегали в середину стада, прятались в кустарнике, забирались под карету и довели хозяина до полного изнеможения. Принцесса, которую эта беготня рассмешила до слез, вручила хозяину еще пару золотых и, чтобы не терять времени попусту, велела своему конюху привязать лошадей и помочь крестьянину. Она и сама изволила выйти из кареты, подняла и пришила шелковую юбку, чтобы не

испачкать ее, и все втроем пошли они цепью на ягнят и, наконец, поймали обоих. Хозяин связал им ноги, положил в карету, и принцесса уехала.

Добравшись до дворца, она приказала искупать барашков в ароматной ванне и сама лично сшила два ошейника с поводками из красного бархата. Принцесса гуляла с барашками, кормила их хлебом с медом и сладким молочком. Только иногда отпускала порезвиться на воле в саду, скрытом за высокой стеной. Чертенятам такое житье было ненавистно. Они привыкли жить вольно, творить, что взбредет в голову, безобразничать в свое удовольствие. А теперь им приходилось смиренно прогуливаться на поводке или стоять в игрушечном хлеву.

Читатель спросит, почему же они не превратились в мышей, не прогрызли дырочку и не сбежали? Или не обернулись птицами и не перелетели через стену? Да они и сами давно догадались, да не знали, как сбросить баранью шкуру и превратиться в кого-то иного. Дело в том, что учиться они по лености своей не особо любили и освоили только, как можно превратиться в кого-то. А вот заклинания, как превратиться обратно в черта, они проспали. Злясь на везучего хозяина, они в запале забыли об этом и теперь вынуждены были жить в шкуре ягнят. Так, наверно, они и остались бы навеки баранами, если бы не встретились неожиданно с колдуном.

В один прекрасный день принцесса возвращалась домой с прогулки и, как обычно, тащила за собой на поводке барашков. И тут на ступенях возле дворца ей встретился нищий, просивший милостыню. Только был он не кто иной, как самый настоящий маг и чародей, который давно заглядывался на принцессу и выжидал удачного момента, чтобы пробраться внутрь дворца и похитить ее. Пока принцесса искала мелочь по карманам, чародей бросил беглый взгляд на барашков и, пораженный, вдруг заговорил на чертовском языке. Он сразу узнал в барашках своих — чертенят.

— Откуда вы тут, братцы? — спросил колдун. — Что вы тут, мелочь пузатая, делаете, и кто вас из ада одних отпустил?

Тут и чертенята повнимательней взгляделись в нищего и признали знакомого колдуна — они его пару раз видели дома, на дне рождения мамы, в толпе поздравителей. Этот колдун любил все утонченное и изысканное и носил, как всякий уважающий себя латышский художник, три фамилии — он представлялся всем магом Брудул-Бубул-Акастонисом. Фамилия Брудул была отцовской, прозвание Бубул придумали друзья, а Акастониса он по дешевке прикупил в Курляндии.

— Дорогой ты наш Брудульчик-Бубульчик, — хором начали умолять чертенята, — худо нам, ох, худо. — И поведали ему все

свои приключения, и как плохо им живется в овечьей шкуре, и слезно попросили мага и чародея помочь им превратиться обратно в чертей.

— Помочь могу, — ответил Брудул, — но закон наш адский вы знаете: задаром никто ничего не делает. Обещайте, что выполните мое желание, тогда научу вас превращаться обратно. Чертенята радостно пообещали выполнить все, что захочет колдун.

— Видите ли, — поведал он, — желаю я вашу принцессу взять себе в жены. Но никак не могу до нее добраться. Силой не смог увести, хитростью тоже не получилось. Поэтому вы просто обязаны мне помочь. Знайте же, что у принцессы есть особый парадный трон, сидя на нем, она принимает женихов. В спинке этого трона, прямо возле ее затылка, вбит старый ржавый гвоздь. Но не простой он, а волшебный: стоит ей только коснуться его головой, как она сразу видит, кто просит ее руки — на самом деле юный, пригожий принц или тот, кто только прикидывается. С помощью гвоздя она уже разоблачила многих известных волшебников и прогнала их с позором. Чтобы со мной не случилось то же самое, вам надо выдернуть тот гвоздь и воткнуть его в землю, а в спинку засадить другой, который я вам дам. Завтра поеду свататься к принцессе. Ее высочество примет меня как пригожего принца, и я сумею увезти ее отсюда.

Чертенята поклялись в вечной преданности, заверив, что сделают все, как обещали. Тогда колдун рассказал им, где искать трон, как попасть во дворец, и бросил им гвоздь, научив, как выбраться из овечьей шкуры.

Принцесса отыскала тем временем в кармане монетку, подала ее чародею и спокойно повела своих барашков во дворец. Она слышала разговоры нищего, но подумала, что он просто молится на латыни. А разговор барашков показался ей обычным бляением, и она немедленно велела дать им хлеба с медом.

Когда настала ночь, оба барашка превратились в чертенят и от радости чуть с ума не сошли. Они прыгали по хлеву, кидались сеном, перевернули ясли и выскочили через окно в сад. Нарезвившись в саду, они пробрались в парадный зал дворца, где и стоял тот самый трон. И только тут они вспомнили про гвоздь колдуна. Куда он подевался? Пока они носились по саду, гвоздь потерялся, а где — никто из них не помнил.

— Что делать-то? — спросил первый чертенок. — Вот беда-то...

— Чем его заменить? Пусть старый там и торчит, нам то что, — ответил другой.

— Тогда принцесса узнает колдуна!

— Ну и пусть узнает. Он нашей принцессе в мужья никак не годится. Да от вида его рожи даже мне жутковато.

— Мы же поклялись ему помочь!

— Да плевать нам, чертям, на торжественные обещания. Не удалось обхитрить хозяина, посмеемся хоть над колдуном. Спрячемся где-нибудь поблизости и подсмотрим, что из этого выйдет.

Идея обоим понравилась, и чертенята спрятались за складками шелковых занавесей.

Когда на следующее утро под своды дворцовых башен въезжал чародей со своей свитой, сбежалось все королевство. Вся знать собралась в светлом зале, а сама принцесса уселась в почетное кресло и приказала ввести заморского гостя.

Чародей вошел и встал на ковер, отвесив нижайший поклон.

— Что за пригожий принц, какие утонченные манеры! — слышались голоса. Однако принцесса откинула голову на спинку кресла и коснулась-таки гвоздя.

— Фуй! — сморщила она личико. — Опять ты, старый пень, со своими дурацкими придумками! Самый уродливый из всех колдунов, каких мне довелось видеть в жизни, а туда же! А свиту где набрал — это ж старые метлы с капустными кочанами вместо головы. Гнать его вон! — И запустила в ярости золотым яблоком, которым играла, колдуну в лоб, но промахнулась и выбила ему глаз.

Колдун заорал от боли и досады, ибо понял, что был подло обманут. Он немедленно поклялся жестоко отомстить пакостникам, самому черту на них пожаловаться. Он топнул ногой, пол разверзся, и злодей провалился прямо в ад, оставив после себя только кучу сломанных метел.

Черт ужасно рассердился, узнав, что чертенята сбежали из преисподней и натворили дел. Он спросил колдуна, почему же тот не захватил нахалов с собой в ад.

— Да я хотел, — соврал Брудул, — да они и меня, старика, обманули...

— Я тоже давно думаю, что слишком уж ты стар стал для подлунного мира, — прервал его черт. — Куда тебе с одним глазом? Все, приключения закончились, остаешься в аду! — Сказав это, черт ударил чародея по той части тела, по которой у малых ребят пляшут березовые розги, а сам отправился искать своих детей по белу свету, чтобы вернуть их назад в преисподнюю.

А чертенята тем временем сбежали из дворца и спрятались в рощице неподалеку. Они от души посмеялись над колдуном, однако потом им стало страшно. Чародей, небось, уже добрался до ада и рассказал папаше обо всех их прегрешениях. Куда бежать, где спрятаться от дьявольского гнева, как от-

вести его глаза от следов, как не возвращаться в ад, который вдруг перестал им нравиться?

— У меня спина уже горит, я всегда заранее бабулин трезубец чую, — жалобно хныкал первый.

— А у меня уже шерсть на попе клочьями лезет, — скулил второй, и оба побежали к речушке, что текла неподалеку.

Речка оказалась довольно бурной, и, борясь со страхом, обнявшись по-братски, чертенята позволили течению уносить себя все дальше и дальше. Они и не заметили, как их принесло к берегу, где сидела какая-то баба.

Когда же чертенята оказались от нее на расстоянии вытянутой руки, она, схватила их за хвосты, вытащила на сушу и завернула в фартук.

— Оборотись-повернись, аж сразу два, — пробубнила она и поспешила в топившуюся на берегу баню, в которой ее ждала некая барыня.

— Что ты так долго там возилась? — возмутилась барыня, когда баба вошла в предбанник, — я тут чуть не сомлела, тебя ожидая.

— Ничего, барыня, — успокаивала повитуха. — Всякое дело терпением одолеть можно. Хотели сыночка, а тут сразу двое. Правда, чуток смугловатые, но зато до чего шустрые! Сейчас, отмоем в десяти водах, станут белыми да пригожими.

Баба налила воды в шайку, кинула туда разных трав, высушенных между страницами книги с заговорами, начертила в воздухе загадочные знаки над шайкой и окунула чертенят в заговоренную воду. Господь наш спаситель, как они верещали! Вода от снадобий да заговоров сделалась волшебным эликсиром и жгла адским огнем. В головах у чертенят все затуманилось, и они стали слабыми, словно новорожденные младенцы. Баба, не обращая никакого внимания на вопли, старательно скребла и вымачивала в заговоренной воде то одного, то другого, и малыши белели на глазах. Повитуха одела их в чистые одежды, и вместе с барыней они торжественно отправились в усадьбу. Чертенят несла баба — барыня в баньке ослабела.

Узнав, что барыня принесла двоих сыновей, барин от радости совершенно растерялся. Он велел запрячь четырех самых красивых лошадей в карету и ехать за колыбелью. Чертенятам приготовили замечательную постельку, а баба-повитуха положила в нее подушечку и подсунула под нее пучок заговоренной травы, постелила простынку, натянула наволочку, накрыла шелковым одеяльцем и всюду распихала свои снадобья. А когда колыбельку подвесили наконец в спальне и уложили в нее малышей, повитуха накинула на нее шаль, которую госпожа собственноручно расшила ангелочками. Она тщательно расправи-

ла шаль, и сотворила в изголовье и в ногах тайные знаки против чертей, домовых и прочей нечисти. А чертенята так намаялись, что мгновенно затихли и мирно заснули.

Но сон их был краток — вскоре они проснулись от собственных воплей. Да и как не кричать, когда сам черт, гнавшийся за ними по пятам, стоял у изголовья и тянул к колыбельке когти, желая схватить непокорных детей... Однако заговоренный против нечистой силы воздух щипался, вышитые ангелочки жгли огнем. Черт окончательно осатанел и грозил всеми адскими карами, мол, если чертенята сию минуту не вылезут из колыбели и не последуют за ним, то он.... Однако чертенята из колыбельки не вылезали, не отвечали, а только плакали все отчаяннее.

— Так вы что, хотите стать людьми? — рявкнул черт и убрал когти, поскольку все его усилия были напрасны. — Так вот вам наказание — радуйтесь их радостям и живите их жизнью! Я вычеркну ваши имена из книги преисподней. И горе вам, коли попадете обратно в ад...

Сказав последние слова, черт низвергнулся обратно в преисподнюю, где резинкой и ножичком тщательно стер имена наших героев из книги адских записей. И тут же они превратились в мальчишек, потеряли все колдовские умения и забыли о преисподней навсегда. Успокоились и сладко заснули.

Повитуха, которая начала побаиваться, что малыши захворали, приподняла шаль с ангелочками и наглядеться не могла на мальчуганов. Она потом всем божилась, что один — вылитая барыня, а другой — весь в барина.

Понятное дело, повитуха приврала, и никто лучше нее об этом не знал. Это был ее маленький секрет — всегда утверждать, что новорожденный похож на того, кто повесил для него колыбельку. И секрет помог — она никогда не уходила с пустыми руками. Чутье не подвело ее и на сей раз — барин самолично достал из чулана большую бутылку вина, которую повитуха тут же и выпила за здоровье новорожденных, желая им долгой да счастливой жизни. И то ли слова ее были искренние, то ли вино доброе, то ли вино дало словам особую силу, но все ее пожелания воплотились как нельзя лучше. Наши маленькие герои выросли большими, здоровыми да красивыми, сами испытали и другим принесли много радости, творили добро и прожили такую долгую да хорошую жизнь, что души их пролетели мимо ада и унеслись туда, где ликование не кончается никогда.